

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 930+94(47)

И. Б. Михайлова

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XIX — НАЧАЛА XX в. О СУДЕБНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ В XIII — НАЧАЛЕ XVI в.

Историки XIX — начала XX в. подробно и всесторонне осветили проблему судебной организации в Псковской земле XIII — начала XVI в., но не дали ее однозначного решения. Они дискутировали о количестве, устройстве, иерархии псковских судов, преобладании в них представителей княжеской власти или веча. Вопрос о развитии и особенностях процессуального права в средневековом Пскове вызвал у исследователей меньше разногласий. Ученые писали о сохранении в псковских судах до 1510 г. многих старинных обычаев, таких как присяга, свод, коллективная ответственность общины за совершенное на ее территории преступление, и отметили новации, не известные составителям Правды Русской, сборника законов XI–XII вв. (регламентацию судебного процесса, запрет брать взятки, службу дьяков и приставов, оформление грамот, ограничение института пособничества, применение полевого поединка, появление элементов розыска). В статье рассматриваются мнения Н. М. Карамзина, митрополита Евгения Болховитинова, К. А. Неволина, А. П. Куницына, М. М. Михайлова, К. Е. Троцины, П. Н. Чеглокова, Ф. Н. Устрялова, И. Е. Энгельмана, И. Д. Беляева, Н. Л. Дювернуа, А. И. Никитского, В. И. Сергеевича, Н. И. Костомарова, М. Ф. Владимирского-Буданова, В. Н. Латкина, М. Н. Ясинского, А. Н. Филиппова, И. М. Радина, П. Е. Михайлова, П. И. Числова, В. М. Грибовского об этих вопросах. Библиогр. 30 назв.

Ключевые слова: Псков, Псковская земля, суд, князь, посадник, вече, полевой поединок, свидетель, судебный процесс, историография.

I. B. Mikhailova

XIX — EARLY XX CENTURY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON THE JUDICIAL ORGANIZATION OF PSKOV REGION IN XIII — BEGINNING OF XVI CENTURY

Historians 19th — early 20th century comprehensively covered the issue of judicial organization in 13th — early 16th century Pskov region, but did not reach an unambiguous conclusion. They discussed judicature in Pskov, its amount, structure and hierarchy. Also scholars investigated the question of predominance of the princely power or of the veche in the Pskov judiciary. The question of procedural law development and characteristics in medieval Pskov caused less controversy among researchers. Scholars wrote that until 1510 many old customs had been lingering in Pskov courts, such as oath,

---

Михайлова Ирина Борисовна — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; mikhailova.irina@inbox.ru

Mikhailova Irina B. — Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; mikhailova.irina@inbox.ru

svod (a forensic investigative procedure), collective responsibility of the community for the crime committed on its territory, then they noted innovations, which were unknown for a compilers of the Russian Truth, the compilation of laws related to XI–XII centuries, such as the regulation of the trial, the prohibition to take bribes, the service of clerks and bailiffs, the clearance of letters, the restriction of the Institute of complicity, the application of the Trial by ordeal, the emergence of elements of Investigation. The article consider the views about these issues belonged to N. M. Karamzin, Metropolitan E. Bolkhovitinov, K. A. Nevolin, A. P. Kunitsyn, M. M. Mikhailov, K. E. Trotsina, P. N. Cheglov, F. N. Ustryalov, I. E. Engelmann, I. D. Belyaev, N. L. Duvernoy, A. I. Nikitskiy, V. I. Sergeevich, N. I. Kostomarov, M. F. Vladimirovich-Budanov, V. N. Latkin, M. N. Yasinskiy, A. N. Filippov, I. M. Radin, P. E. Mikhailov, P. I. Chislov, V. M. Gribovskiy. Refs 30.

Keywords: Pskov, Pskov region, court, prince, posadnik, veche, trial by ordeal, witness, trial, historiography.

Представления ученых XIX — начала XX в. о судебной организации Псковской земли до присоединения ее к единому Московскому государству основывались на исследовании Псковской судной грамоты (далее — ПСГ) и отдельных статей Псковских летописей о вечевых приговорах и их исполнении.

В V томе «Истории государства Российского», написанном незадолго до 1811 г. [1, с. 172], Н. М. Карамзин напечатал фрагмент ПСГ, обнаруженный им в «Синодальной» (Уваровской) летописи [2, с. 417, примеч. 404; 3, с. 112]. Анализ этого текста позволил историку сделать вывод о присущих псковскому судопроизводству XV в. «законных поединках в случае доноса сомнительного» и «пенях» с участников тяжбы [2, с. 206]. Митрополит Евгений Болховитинов обнаружил в том же фрагменте ПСГ фиксацию сведений о четырех судах: князя и посадника; «судей»; владычного наместника; «общем» для мирян, тяждавшихся с духовными лицами. Он обратил внимание на требование выплаты князю пошлины и истцу рублевой пени в случае избиения последнего в суде ответчиком, а также на запрет участникам полевого поединка выставлять против соперницы наемного бойца [4, с. 45–46].

Согласно К. А. Неволину, в Пскове XIII — начала XVI в. самостоятельно судили: 1) князь, получавший за это «определенные доходы»; 2) возможно, посадник — «главное лицо, которое заведовало делами всего города», с избранными на вече боярами; и 3) народное собрание. Вече «могло, если почитало это нужным, производить суд по делам гражданским и уголовным и наказывать преступников». В псковских «пригородах» суд осуществляли представители княжеской власти — наместники [5, с. 23]. А. П. Куницын считал, что именно они обозначены в ПСГ термином «господа» [6, с. 3]. Впрочем, в представлении юриста наместниками также называли псковских князей-ставленников Великого Новгорода, а затем московских Калитичей.

В 1847 г. Н. Н. Мурзакевич ввел в научный оборот более полный текст ПСГ, извлеченный им из рукописного сборника, принадлежавшего графу М. С. Воронцову [3, с. 112–113]. Разумеется, это открытие было известно М. М. Михайлову, который отметил несколько особенностей псковского суда XIII — начала XVI в. как более совершенного по сравнению с действовавшим в Древней Руси XI–XII столетий. Так, местное «судопроизводство облакается... постепенно в письменные формы» и разделяется на «гражданское» и «уголовное», оформляются «правильные судебные инстанции, подчиненные одна другой», в которых сначала на нижнем, затем на верхнем уровне представителей княжеской власти сменили выборные земские судьи и служившие при них мелкие агенты [7, с. 30–31]. К. Е. Троцина, напротив, считал,

что изначально и до 1510 г. в Пскове «высшим судебным установлением народным» было вече. Однако в «пригородах» его власть постепенно стесняли наместники великого князя Московского [8, с. 18, 20].

Согласно П. Н. Чеглокову, в Пскове XIII — начала XVI в. функционировали суды: веча, совместный князя и посадника, «купеческих старост и сотских», церковный. Повторив вывод К. А. Неволина о подсудности вечу нарушителей как уголовных, так и гражданских законов, исследователь подчеркнул, что главным объектом юрисдикции народного собрания были должностные преступления избираемых им «чиновников». Князь и посадник заседали в хоромах первого из них, расследовали и вершили дела об убийствах, разбоях, грабежах, «татьбе», некоторых гражданских исках. Здесь же «присутствовали сотские». Ограничивалась ли их роль на княжеско-посадничьем суде пассивным присутствием, П. Н. Чеглоков не пояснил. Но на другом суде эти «начальники простого народа» вместе с купеческими старостами «разбирали маловажные дела» местных жителей. Посаднику подчинялись тиуны, мелкие судебные агенты, а также назначенные им в «пригороды» наместники. Усиливаясь, княжеская власть вытесняла последних из малых городов Псковской земли. В 1469 г. псковичи «уступили право суда князю во всех 12 пригородах». «Дела духовные» жителей Псковской земли до середины XIV в. относились к юрисдикции новгородского архиепископа, с 1348 г. ведались его наместником [9, с. 38–42].

Если П. Н. Чеглоков подчеркивал преобладание в судебной организации Псковской земли вечевого начала, то Ф. Н. Устрялов писал: «Первенство в решении судебных дел принадлежало князю. Суд его не подчинялся высшему суду и его мнение считалось окончательным» [10, с. 71]. Князь судил на сенях своего дома, «взираа в правду» по крестному целованью, не имел права брать взятки и изменять текст «справедливых» актов, правые грамоты заверял собственной печатью [10, с. 72, 77]. Он вершил «все дела уголовные и гражданские» [10, с. 86], а также назначал дьяков, мелких судебных исполнителей, наместников и волостелей. Последние от имени князя судили жителей псковских «областей» и «земских округов». [10, с. 73–75].

По мнению Ф. Н. Устрялова, вече суд не осуществляло: оно доверило «юридические права» «состоявшим на действительной службе» у «господина Пскова» степенным посадникам. Последние клялись «судить право» и не брать «посулов». Каждый из часто менявшихся посадников был креатурой одной из постоянно соперничавших вечевых «партий», поэтому с целью сохранения правопорядка он обязывался «не пересуживать дел, уже решенных» предшественником [10, с. 76–78]. Историк считал, что «посадник надзирал за производством суда и правильностью решения княжеского, и когда, по его мнению, князь решал дело несправедливо, то он заявлял об этом вечу, подавал протест, и оба мнения, как князя, так и посадника, на вече обсуживались. Вече, признав решение князя несправедливым, изгоняло его и выбирало нового; в противном случае вина падала на посадника». При этом народное собрание «не перерешало суда князя... оно только отнимало у него возможность злоупотребления на будущее время» [10, с. 86]. Судебными пошлинами князь и посадник делились поровну [10, с. 72].

Избранниками веча были также старосты (они присутствовали на княжеском суде и самостоятельно «производили судебное разбирательство» дел о «татьбе» в Пскове, «пригородах» и волостях), городские дьяки, приставы, подверники [10, с. 79–82]. «Все лица, облеченные судьейскою должностью», назывались «господою» [10,

с. 82]. Согласно Н. Г. Устрялову, в Пскове XIII — начала XVI в. также функционировали церковный, «смесный» (здесь «тягались» духовные лица с мирянами) и братчинный суды [10, с. 86, 89].

Рассматривая вопрос о судебном процессе, исследователь отметил преемственность следствия — «извода» в ПСГ от «свода» Правды Русской (далее — ПР), наличие в городе на реке Великой ограниченного института пособничества, указал на применение здесь ордалий — присяги и «поля» и на неразделенность понятий «пошлина» и «штраф» [10, с. 92–99, 102, 106–107, 111, 115–117].

И. Е. Энгельман также отрицал мнение К. А. Неволлина, К. Е. Троцины и П. Н. Чеголокова о судебной деятельности псковского веча и к тому же не упоминал о «смесном» суде. По его мнению, до 1510 г. в городе на реке Великой функционировали три суда: князя и степенного посадника, каравший за «всякое самоуправство и всякие насилия»; братчинный с компетенцией прекращать ссоры на общинных пирах, но не наказывать преступников; и «духовный», которому подлежали «отношения семейственные» и «все лица духовного звания между собою» [11, с. 12, 17, 109–111].

Князь и посадник избирались народным собранием и подчинялись ему, поэтому не имели права вершить поступавшие к ним дела на вече. Они судили на «княжеском дворе», руководствуясь «древними псковскими обычаями, сообразно с присягою», данной «при вступлении в управление» [11, с. 99]. Посадник не имел права отменять приговоры его предшественников и «оставлять нерешенные дела своему преемнику» [10, с. 101]. И. Е. Энгельман считал, что «князь обыкновенно не участвовал в суде непосредственно, а производил его через другие лица, назначаемые им для этой цели, как во Пскове, так и по волостям». Однако его «люди» «могли производить суд не иначе, как при участии различных городских властей»: сотских (при рассмотрении дел о земельной собственности, избиениях и грабежах), волостелей, пригородских старост (в малых городах исполняли те же функции, что и сотские в Пскове), «полицейских» «начальников» судебных округов, которые назывались губскими старостами. Все эти судьи приводились к присяге в приверженности псковским законам [11, с. 102–104].

Историк обратил внимание на существование в Пскове XIII — начала XVI в. княжеских и общинно-городских дьяков, приставов и подверников, охарактеризовал их функции [10, с. 105–107]. Он считал, что первоначально в случае отказа княжеского пристава исполнить возложенное на него поручение ПСГ разрешала заменить его земским судебным агентом [11, с. 109]. «Другая, новейшая статья изменила это правило постановлением», согласно которому оба пристава «всегда должны (были. — *И. М.*) действовать вместе» [11, с. 108]. Перечислив лиц, которым было разрешено обращаться за помощью к пособникам, И. Е. Энгельман отметил, что прочим стряпчих, силой врывавшихся в помещение суда, заковывали в колодки и наказывали «рублем в пользу князя, а 10 деньгами в пользу подверника» [11, с. 72, 106].

Исследователь поэтапно рассмотрел судебный процесс и охарактеризовал его как состязательный, сохранившийся в Пскове со времени действия норм ПР. При этом он предложил спорную трактовку статьи 25 ПСГ («...да не станет на суд пред господою, — ино господе дать на него грамота, на виноватого, на 5 день позовником...» [12, с. 289 ст. 25]). И. Е. Энгельман считал, что по истечении пяти дней после неявки одной из сторон на судебное заседание она признавалась проигравшей процесс. Другой стороне выдавали правую бессудную грамоту, после чего «для поимки

ответчика» отражали пристава, который вместе с истцом должен был доставить виновного в суд. При этом запрещалось применять к ответчику «излишние насильства», а он не имел права сопротивляться судебному агенту и его помощнику [11, с. 122–123]. Зачем после объявления приговора и оформления правой грамоты судье требовался виновный, историк не объяснил.

И. Е. Энгельман впервые в историографии осветил вопрос о письменных доказательствах вины правонарушителей: «рядницах», «записях», «рукописаниях» и «досках». По его мнению, «рядница» имела значение «заемного письма и квитанции в платеже долга. Для действительности ее» требовалось изготовить копию и передать последнюю «в архив (ларь)» Троицкого собора. «Запись» — это произвольной формы «домашний контракт о найме земель или работников, и о займе», который должен был «заключать в себе точное обозначение лица, давшего ее, и предмета договора». «Рукописанием» называлось «духовное завещание, составленное по законной форме, с внесением копии с него в “ларь” Святой Троицы». «Доски» И. Е. Энгельман сравнил с «долговыми счетами и т. п. документами, принятыми в торговле». Вслед за А. П. Куницыным и И. М. Снегиревым исследователь представлял этот документ «в роде бирки, от которой каждая из договаривающихся сторон получала по половинке; на них нарезывалось число взятых кун или денег, и, может быть, мета, означавшая имя заемщика» [11, с. 14–16, 125]. Если истец и ответчик не могли представить письменных доказательств своей правоты, то ее подтверждали очевидцы происшедшего — «сторонние люди» [11, с. 130–131]. Достаточным основанием для объявления подозреваемого «татем» считалось предъявление суду «поличного», для этого требовалось найти у обвиняемого краденую вещь [11, с. 141]. Если, писал И. Е. Энгельман, для принятия окончательного решения у судьи не хватало улик, а показания свидетелей отличались противоречивостью, он назначал ордалию — полевой поединок, или тяждавшие приносили присягу, скрепленную крестоцелованием. К присяге стороны приводились также в том случае, если обнаруживались противоречия в представленных ими документах [11, с. 128, 143–152].

Подчеркнув, что судопроизводство в Пскове XIII — начала XVI в. имело состязательный характер, историк указал на появление в нем, при рассмотрении уголовных дел, элементов розыска. По его мнению, признаком формирования следственного процесса было увеличение числа «чиновников», вызывавших стороны в суд и собиравших доказательства вины лиц, подозреваемых в совершении преступления. Так, «Псковская судная грамота в делах о воровстве позволяет истцу просить судью о производстве следствия, в делах же о бое и грабеже, когда ответчик предъявлял встречный иск, при недостатке у него свидетелей, суд даже обязан был заботиться о приискании доказательств», — писал историк [11, с. 121].

Подобно Ф. Н. Устрялову И. Е. Энгельман не обнаружил в ПСГ различия между штрафами и пошлинами, которые после объявления приговора виновный отдавал князю и посаднику, но он отметил четкую фиксацию в этом памятнике выплат осужденного оправданному лицу «по иску» и компенсации ему же «за все судебные издержки» [11, с. 173–174].

В отличие от предшественников И. Д. Беляев проследил эволюцию судебной власти в Псковской земле XIII — начала XVI в. Исследователь считал, что первоначально, «когда в Пскове не было еще князей» и город «управлялся своим вечем с нов-

городскими посадниками, ... право суда по всем делам принадлежало» народному собранию. Но последнее «собиралось только на короткие сроки для суда и управы в важнейших делах». Для постоянной защиты прав местного населения оно избирало старост (сотских), которые отстаивали интересы «всяких городских и сельских» общин: кончанских и уличанских, волостных и губных образований, церковных приходов и купеческих корпораций. Суду старост «предоставлялась полная самостоятельность и независимость» [13, с. 127–129, 133–134].

Утверждение в Пскове княжеской власти сопровождалось разделением судебных дел на уголовные и гражданские. Первые поступили в ведение князя, но не только его одного, а также посадников и сотских. Гражданские дела вершили «выборные псковские судьи». Они избирались вече «из больших боярских фамилий» и, если не оправдывали его доверия, подлежали наказанию. Вместе с тем народное собрание «не вмешивалось в их суд, и не перерешало их судебных приговоров». Суд псковских бояр был «совершенно свободный и не подчиненный никакому официальному влиянию» [13, с. 129–130].

По мнению И. Д. Беляева, в процессе эволюции сформировались следующие судебные органы Пскова:

1. Вече — собрание всех свободных «мужей», кроме «бездомной вольницы». Вечники принимали решения «самостоятельно, независимо ни от каких властей» [13, с. 97, 100–101]. Это право гарантировалось 4-й ст. ПСГ, запрещавшей князю не только судить, но даже присутствовать на народном собрании [13, с. 101; 14, с. 334; 15, с. 345–346]. Вечевому суду «принадлежали только дела высшие, касавшиеся всего Пскова, а может быть, и частные, но такие, которых не мог решить ни князь, ни посадник» [15, с. 346].

2. Князь и посадник, которые «были представителями двух начал, неразрывно связанных, государственного и земского». Их суд «производился у князя на сенях», он карал виновных в совершении уголовных преступлений. «В псковских пригородах суд по этим делам принадлежал наместнику князю, который... должен был судить в присутствии выборных от земщины посадников» [15, с. 345].

3. «Выборные судьи», в младших городах Псковской земли — пригородские посадники и старосты. Они рассматривали и вершили «дела гражданские... по займам, наймам, покупкам, наследствам и дела о поземельном владении. Впрочем, в последнем участвовал и князь» [15, с. 345].

4. Братчина. Избранные ею «князь пира» и его помощники «на основании исконных народных обычаев» судили поссорившихся «пивцев». Наказание осуществляла «сама братчина». В отличие от приговоров всех прочих псковских судей решения братчинных выборных можно было обжаловать в соответствующих княжеско-вечевых правозащитных органах [15, с. 345].

5. Наместник новгородского архиепископа. Его суду подлежали «дела духовные» [13, с. 130; 15, с. 345].

Вслед за И. Е. Энгельманом И. Д. Беляев обратил внимание на присягу псковских судей действовать честно и справедливо, указал на запрет посаднику и выборным боярам занимать новую должность, не окончив порученных им дел, отметил существование наряду с княжескими дьяками и приставами земских писцов и подвойских, подчеркнул, что все мелкие судебные агенты получали за службу специальную пошлину — хоженое или езд [15, с. 346–347]. «Впрочем, — писал историк, —

закон не обязывает истца посылать за ответчиком непременно официального позовника, а позволяет ему в таком случае, если тот не согласится идти за ответчиком за определенную плату — нанять и постороннего человека и дать ему позовницу» [15, с. 347].

В отличие от И. Е. Энгельмана И. Д. Беляев дал четкую трактовку 25-й ст. ПСГ. По мнению исследователя, после оглашения «у церкви перед священником и всем народом» позовницы ответчик «должен был объявить, что он в известный срок явится в суд». Если это обещание не было выполнено, на пятый день после несостоявшегося по вине ответчика судебного заседания к нему опять приезжали приставы, уже с новой позовницей. На этот раз они были обязаны, при необходимости насильно, доставить обвиняемого в суд. В пути позовникам запрещалось бить и мучить конвоируемого, а ему под страхом зачисления в разряд уголовных преступников — противиться судебным исполнителям. Если по первому требованию суда ответчик «скрылся, то в таком случае на него выдавалась истцу бессудная правая грамота». [15, с. 347].

Иначе, чем И. Е. Энгельман, И. Д. Беляев понимал ст.ст. 58 и 59 ПСГ (о незаконном пособничестве участникам тяжбы) [12, с. 294]. Историк считал, что если в помещении суда врывался стряпчий взрослого, здорового, сильного мужчины, то не его, а последнего «заковывали в колодки» и подвергали штрафу [15, с. 348]. И. Д. Беляев первым прокомментировал ст. 71 ПСГ (о запрещении пособнику в течение светового дня участвовать в двух и более делах) [12, с. 295; 15, с. 348] и подробно рассмотрел вопрос о процедуре проведения полевых поединков. Он отметил, что по псковским законам:

1. Участники Божьего суда целовали крест в подтверждение своей правоты и могли вместо себя выставить наемных бойцов.

2. Последнее запрещалось тяждавшимся женщинам. Они должны были выходить на «поле» сами, но в споре с мужчиной так же, как дети, старики, больные, увечные люди, священники, инокини или монахи, могли выставить вместо себя наемного бойца.

3. Судебное сражение всегда происходило в присутствии как княжеского, так и земского приставов, которые получали 6 денег с побежденного на «поле» или 3 деньги с виновного, если стороны мирились, не вступая в поединок.

4. Правый соперник, кроме суммы иска, «брал с побежденного все то, в чем он вышел на бой».

5. К тому же виновный платил пеню князю [15, с. 349].

По мнению Н. Л. Дювернуа, в Пскове XIII — начала XVI в. не только сохранилась, но и достигла наивысшего развития «пошлина», т. е. обычай, согласно которому независимый от веча княжеский суд гарантировал «свободу людей»: здесь она стала законом [16, с. 256–257, 261, 280, 293, 307, 310]. Об этом свидетельствуют отсутствие «провокаций к вечу» и «доклад» к нему «в порядке законодательства», обязанность судьи «взирать в правду», т. е. «в закон писанный и утвержденный высшею властью», оформление соответствующей документации с хранением копий актов в «ларе» Троицкого собора, «двойственный (княжеский и земский. — И. М.) элемент псковских судебных учреждений» [16, с. 211–213, 237, 363–366].

В 1871 г. М. М. Михайлов поддержал мнение И. Д. Беляева о существовании в Пскове XIII — начала XVI в. пяти княжеско-земских судов, составе и взаимоотно-

шениях служивших здесь людей, их юрисдикции и ответственности за антизаконные действия или превышение полномочий [17, с. 193]. Он считал прогрессивным явлением предоставление местным судьям права инициировать процесс [17, с. 193], а ст.ст. 58 и 59 ПСГ охарактеризовал как «первый закон» о защите «посторонними лицами» интересов тяждающихся сторон. Вместе с тем, указав на ограниченное число лиц, прибегавших к услугам стряпчих, и на запрещение пособнику выступать «одного дни за 2 орудия (дела. — *И. М.*)» [12, ст.71, с. 295], исследователь сделал вывод о том, что суд в вечевом городе «не был гласным» [17, с. 194–195]. Подобно *И. Е. Энгельману*, *М. М. Михайлов* рассмотрел вопрос о доказательствах вины ответчика и признал «доски» свидетельством действительности в Пскове XIII — начала XVI в. наряду с законом обычного права [17, с. 196].

Иначе, чем *И. Д. Беляев*, развитие судебной организации в Псковской земле представлял *А. И. Никитский*. По его мнению, до конца XIII в. правивший здесь князь «в вознаграждение за свою службу (вольному городу. — *И. М.*)... получал, сообразно с характером кормления, право суда с связанными с ним доходами». Однако вече как главный орган общественно-политической жизни «республиканского» города «разделяло с князем... производство суда» [18, с. 121]. В XIV в. в связи с усилением в Пскове княжеской власти была проведена судебная реформа. В годы правления здесь *Александра Михайловича* (в 1327–1337 гг. с полуторогодичным перерывом) судопроизводство «с веча» было перенесено на его двор. Отказавшись «от непосредственного участия в судебной деятельности» княжеского аппарата власти, народное собрание делегировало в него своих выборных представителей — посадников и сотских (последние исполняли «разные второстепенные обязанности»). Этот суд назывался «господой от Пскова или просто господой» [18, с. 122, 136]. Постепенно в его составе появились новые вечевые агенты — подвойские, дьяки, подверники. Псковичи потребовали равномерного распределения пошлин между всеми княжескими и земскими судебными «чиновниками» [18, с. 124–125]. Тот же процесс протекал в малых городах Псковской земли: здесь наряду с княжескими наместниками стали судить выборные пригородские посадники и старосты [18, с. 130, 176]. Вместе с тем вече сохранило за собой право карать «переветников», «зажигальников», «кромских татей» и прочих государственных преступников [18, с. 136, 138–139]. Кроме того, в Пскове XIII — начала XVI в. действовал не зависимый от «гражданских властей» суд владычного наместника [18, с. 195].

В. И. Сергеевич ограничился упоминанием отдельных элементов судебного процесса, отраженных в ПСГ, таких как присяга, послушество, показания «добрых людей». По его мнению, в Пскове XIII — начала XVI в. «всякие дела могли быть решены крестным целованием», причем ПСГ «знает присягу ответчика (очистительную) и истца (дополнительную)» [19, с. 947]. Историк четко различал очевидцев преступления, называвшихся «добрыми людьми», и «свидетелей доброй славы» любой из судившихся сторон — послухов. Первых на судебном заседании присутствует «всегда несколько (4–5); показание их решает спорный факт; на поле их нельзя звать... в ст. 56 они названы свидетелями» [19, с. 976]. За содействием к послуху обращались только при отсутствии «добрых людей». Он имел право не явиться в суд, но если давал показания и подтверждал правоту подзащитного, то при необходимости должен был вместо него принять участие в полевом поединке [19, с. 975].

Приверженец идеи о федеративном устройстве вечевой Руси и схожести исторического развития вольнолюбивых «севернорусских» и южных, впоследствии украинских «народоправств», Н. И. Костомаров считал верховным судебным органом Псковской земли изначально и до 1510 г. народное собрание [20, с. 463–465; 21, с. 32, 35, 41, 85]. Постоянно действующий суд осуществляли обладатели «собирающей и исполнительной власти» — князь и степенной посадник [21, с. 41]. Полицейские обязанности в Пскове, «пригородах» и сельской местности исполняли сотские [21, с. 49–50, 86]. Историк также писал о состязательности сторон в псковском суде, проверке доказательств их правоты на местах, применении ордалий, оформлении дьяками специальной документации [21, с. 86, 91].

М. Ф. Владимирский-Буданов, признавая преемственность правовых норм ПР и ПСГ, отметил ограничение или ликвидацию некоторых из них в Пскове XIII — начала XVI в. Так, по его мнению, постановление ПСГ о князе и посаднике, которые «на вечи суду не судят» [12, ст. 4. с. 286], означает «полное уничтожение вечевого суда» [22, с. 149, примеч. 12]. Из первоначальной обязанности общины «отвечать по искам об убийстве... выродилась позднейшая круговая порука. Поэтому почти при каждом иске к суду являлись с той и другой стороны целые толпы родственников и соседей, причем роль главных деятелей совершенно скрывалась за действиями масс пособников... Псковская грамота запрещает ходить на суд “помочью”... Из ее слов можно заключить, что еще в то время пособники силою лезли в судебню, били подверников», — писал М. Ф. Владимирский-Буданов [23, с. 514].

Историк подробно поэтапно рассмотрел производство суда князя и наместника, а также выборных псковичей [22, с. 153, примеч. 6; с. 155–156, примеч. 60; с. 156, примеч. 62, 66; с. 157, примеч. 67; с. 158, примеч. 72; с. 159, примеч. 79; с. 160, примеч. 80, 83; с. 163, с. 167, примеч. 110; с. 171, примеч. 121, 123; с. 172, примеч. 135; с. 173, примеч. 144; с. 186, примеч. 219]. Он считал, что «судебная власть братчины... ограничивалась делами о личных обидах» [22, с. 189, примеч. 234].

Вслед за И. Д. Беляевым и М. М. Михайловым В. Н. Латкин писал о пяти псковских судах XIII — начала XVI в. Однако он отрицал участие в суде князя и посадника вечевых исполнителей. Более того, по его мнению, даже «выборными судьями были... княжеские люди, т. е. сотские, волостели, старосты пригородские, старосты губские и др. Суду этих лиц подлежали некоторые гражданские и мелкие уголовные дела» [24, с. 26]. В. Н. Латкин повторил тезис И. Е. Энгельмана о появлении в псковском судопроизводстве XIII — начала XVI в. элементов розыска, вслед за М. Ф. Владимирским-Будановым считал послуха свидетелем «доброй славы» ответчика в отличие от «добрых людей» — очевидцев происшедшего, и, подобно Ф. Н. Устрялову, писал о «весьма слабом различии» в ПСГ «между понятиями штрафа и судебных пошлин» [24, с. 26–28].

Основываясь на выводах М. Ф. Владимирского-Буданова и В. Н. Латкина, М. Н. Ясинский писал о следующих судах Псковской земли, действовавших в XIII — начале XVI в.: «князем и посадником (ст. 1, 3, 4, 6 и др.)», «княжеских и выборных чиновников (наместников пригородных, посадников и старост погородских, старост губских и пр. (ст. 5, 77 и др.)», «веча (ст. 4, содержащая в себе постановление об уничтожении вечевого суда)», «церковном» (ст. ст. 2 и 109), «братчины (ст. 113)» [25, с. 157].

О четырех псковских судах (совместном князя и посадника; старост; братчины; духовенства) писал А. Н. Филиппов. По мнению исследователя, первоначально братчины собирались «для мирских пиршеств», впоследствии они превратились в сплоченные «союзы, подобные западноевропейским гильдиям». Все светские суды назывались «господою». Отметив общие для ПР и ПСГ нормы судопроизводства (заклич, свод, одинаковые доказательства вины ответчика), А. Н. Филиппов перечислил новации, появившиеся в судах города на реке Великой. К ним относятся: служба здесь дьяков и приставов, вызов правонарушителей судебными исполнителями, определение «сроков явки» в суд и ответственность за несоблюдение этого требования, регламентация процесса, обязанность судьи вести его «взираа в правду», «не мститя ни на кожо», не брать «тайных посулов», институт пособничества, смертная казнь как высшая мера наказания для переветчиков, зажигальников, конокрадов, «кромских татей» [26, с. 166–167].

И. М. Радин отметил только две особенности судопроизводства, отраженного в ПСГ: частое применение присяги для доказательства правоты истца и ответчика при отсутствии в деле улик и различие между видоком — «очевидцем факта» совершения преступления и послухом — «свидетелем доброй славы стороны» [27, с. 355–356].

Согласно П. Е. Михайлову, ст. ст. 2, 66, 77 и 109 ПСГ разделялась компетенция судов князя и посадника, «судьина», владычня наместника, «смесного» [28, с. 133–141]. При этом «суд князя и посадника являлся во Пскове высшей кассационной инстанцией по отношению к “судьину суду”» [28, с. 141].

Те же псковские судебные органы XIII — начала XVI в., о которых писал М. Н. Ясинский, назвал П. И. Числов, за исключением суда веча. Историк считал, что ПСГ сохранила нормы процессуального права ПР и отразила некоторые новации, например, сведения о письменных доказательствах правоты сторон и полевых поединках [29, с. 71–73].

По мнению В. М. Грибовского, «в Пскове князь образовывал судебную коллегия с посадником и сотским... Эта коллегия именовалась господою. Различные другие чиновники производили суд в круге своего ведомства единолично». [30, с. 83]. Вспомогательные судебные функции исполняли приставы, дьяки, подверники. Процесс был состязательным, «являться на разбирательство с друзьями, могущими физически или духовно влиять на судей, воспрещалось» [30, с. 84]. Кроме мирских судебных органов в Пскове до 1510 г. действовали «владычный» и «смесный» суды: на последнем «епископ судил вместе с князем» [30, с. 84]. В. М. Грибовский рассмотрел вопросы о вызове ответчика на судебное заседание, доказательствах его вины, отметил сохранение в Пскове XIII — начала XVI в. присяги и «свода» — «извода», отраженных еще в ПР, а также применение здесь полевого поединка, не известного домонгольским участникам тяжб [30, с. 84–86, 89].

Итак, в историографии XIX — начала XX в. проблема судебной организации в Псковской земле XIII — начала XVI в. была всесторонне освещена, но не получила однозначного решения. Исследователи дискутировали о количестве, устройстве, иерархии функционировавших в Пскове, его «пригородах» и сельских округах судов, преобладании влияния на них княжеской или вечевой власти. Меньше разногласий вызвали вопросы, связанные с судопроизводством. М. М. Михайлов, Ф. Н. Устрялов, И. Е. Энгельман, М. Ф. Владимирский-Буданов, А. Н. Филиппов пи-

сали о его непрерывном развитии с XI в., сохранении в Пскове до 1510 г. таких норм обычного права, как присяга, свод, коллективная ответственность общинников за совершенное на ее территории преступление. Они также отметили новшества, не известные составителям ПР: регламентацию судебного процесса, запрещение брать «посулы», оформление специальной документации и письменных доказательств правоты сторон, ограничение института пособничества, применение «поля», появление элементов розыска. И. Д. Беляев и М. Ф. Владимирский-Буданов прокомментировали и прояснили смысл ст. ст. 20–25, 27, 55–57, 76, 84, 100, 117 ПСГ.

Источники и литература

1. *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. 659 с.
2. *Карамзин Н. М.* Полное собрание сочинений. Т. V. М.: Терра-Книжный клуб, 1999. 544 с.
3. *Кафенгауз Б. Б.* Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М.: Наука, 1969. 136 с.
4. *Евгений Болховитинов*, митрополит. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Ч. 1. Киев: В Типогр. Киево-Печерской Лавры, 1831. 521 с.
5. *Неволин К. А.* Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). 1844. Январь. Отд. V. С. 1–32.
6. *Куницын А. П.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб.: В Типогр. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1843. 151 с.
7. *Михайлов М. М.* История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 год. СПб.: В Типогр. К. Крайя, 1848. 131 с.
8. *Трощина К. Е.* История судебных учреждений в России. СПб.: Изд. В. П. Полякова, 1851. 387 с.
9. *Челюков П. Н.* Об органах судебной власти в России от основания государства до вступления на престол Алексея Михайловича. Казань: Изд. книгопродавца И. Дубровина, 1855. 104 с.
10. *Устрялов Ф. Н.* Исследование Псковской судной грамоты 1467 года. СПб.: В типогр. А. Фридрихсона. 1855. 192 с.
11. *Энгельман И. Е.* Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб.: В Типогр. Э. Веймара, 1855. 182 с.
12. Памятники русского права. Вып. II. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1953. 443 с.
13. *Беляев И. Д.* Рассказы из русской истории. Кн. III. История города Пскова и Псковской земли. М.: В Синодальной типогр. на Никольской улице, 1867. 443 с.; VI с.
14. *Беляев И. Д.* О суде наместническом на Руси в старину // Юридический журнал, издаваемый П. А. Салмановым (СПб.). 1861. Апрель. № 8. С. 333–343.
15. *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. М.: Типо-Литогр. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. 728 с.
16. *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в древней России. М.: В Университетской типогр. (Катков и К°), 1869. 413 с.
17. *Михайлов М. М.* История русского права. Лекции I–XXXVI. СПб.: Типогр. департамента уделов, 1871. 344 с.
18. *Никитский А. И.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб.: Типогр. К. Замысловского, 1873. 344 с.
19. *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по истории русского права. Ч. 1–2. СПб.: Типогр. и Хромолитогр. А. Траншеля, 1883. 997 с.
20. *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М.: Ассоциация «Россия»; изд-во «Культура», 1993. 761 с.
21. *Костомаров Н. И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевое уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки). Т. 2. СПб.: Типо-Литогр. М. М. Стасюлевича, 1886. 466 с.
22. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. СПб.; Киев: Издание книгопродавца Н. Я. Оглобина, 1899. 265 с.
23. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб.; Киев: Издание книгопродавца Н. Я. Оглобина, 1888. 542 с.

24. *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. Московское государство — Российская империя. СПб.: Типогр. Я. И. Либермана, 1890. 342 с.
25. *Ясинский М. Н.* Лекции по внешней истории русского права. Киев: Ун-та Св. Владимира, типогр. Н. Т. Корчак-Новицкого, 1898. 162 с.
26. *Филиппов А. Н.* История русского права. Конспект лекций. Ч. 1. Вып.1. М.: Типогр. Общества распространения полезных книг, арендованная В. И. Вороновым, 1905. 292 с.
27. *Радин И. М.* Учебник истории русского права. СПб.: Типо-Литрогр. И. Лурье и К^о, 1910. 372 с.
28. *Михайлов П. Е.* Новые данные для комментария Псковской Судной грамоты // Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1913. Т. XVIII. Кн. 2. С. 132–142.
29. *Числов П. И.* Курс истории русского права. Ч. 1. М.: Извлечение из «Ученых записок Императорского Лицея в память Цесаревича Николая» за 1914 г., 1914. 160 с.
30. *Грибовский В. М.* Древнерусское право Вып.1. Пг.: Типогр. «Двигатель», 1915. 131 с.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2014 г.